

ГОДУНОВ

Семен Грила

Годунов

*«В тебе самом есть тишина, есть святилище,
куда ты в любое время можешь удалиться,
чтобы побыть самим собой».*
Герман Гессе

«Часто случалось, что мое имя путали с именем Фрейда».
Карл Юнг

«Бешено устал».
Михаил Булгаков

Импровизация

Жизнь наша бесконечна. Просто мы делим ее на «до до», «до» и «после». И считаем, что «до» — это жизнь, а «после» и «до до» — небытие.

Это ложная посылка. Жизнь бесконечна как «до до», так и «после». Просто мы помним осмысленный кусок, да и то лишь фрагментами. Смерть осознанности делает нас бесконечной Вселенной. Так же, как мы были до того, как наступила осознанная жизнь наша.

И вообще считать жизнь как способ существования белковых тел – крайне хрупкая трактовка бытия. И крайне конечная. Во-первых, жизнь существует не только на основе или вместе с белками, да и сознание существует не только у людей. Вот, например, научится искусственный интеллект думать самостоятельно. Не говоря уже о животных.

Рефлексия – да, с рефлексией сложнее. Ну да разберется рефлексия сама с собой когда-нибудь.

Вот так отражает действительность мозг – или что там ее отражает – человека, которого зовут Годунов. Вот так просто – Годунов. И никак по-другому вы не услышите. И нет, никаких реминисценций с царями или балетами не будет. Он просто обычный Годунов.

Как все. Только Годунов.

Глупости

Годунов любил импровизации, он, наверное, был бы хорошим джазменом, если бы умел играть на музыкальных инструментах. Но нет, не умел, хотя и жалел об этом.

Папа в детстве запирали его в ванной, выключал свет, и Годунов должен был вязать узлы на ощупь. Папа был хирургом и хотел, чтобы и сын. Но дети не всегда хотят быть как папа.

Но врачом Годунов, впрочем, стал. Он изучал продление жизни. Избавление тканей от воспалений и все такое прочее. Он относился к человеческому организму как к сосуду с химическими компонентами, а не набору органов, как большинство докторов.

Его интересовал баланс. Баланс, говорил он, основа длительной и здоровой жизни. Химический баланс.

Несерьезность Годунова угадывалась во всем. Вот, например, он не любил узких специалистов. Для них существовали только те части тела человека, которые они обслуживали. Терапевты же мерили температуру и давление и отправляли к специалистам, согласно жалобам. Не пытались искать баланс.

Смерть

Годунов боялся смерти. Не как обычно, как все – на рефлексах. Он, конечно, боялся и как все, но еще он боялся смерти импровизаций. Он считал, что рецепторы организма способны генерировать ложные реальности в моменты отчаянного страха. Вот этих эффектов Годунов боялся больше, чем рефлекторного страха.

В детстве с ним произошел подобный эпизод. От напряжения, когда он упражнялся в ванной, ему представилось, что он умер – и зашивает он, но другой, себе нынешнему рот и вяжет узлы. Шов получался ровный, и папа, наблюдавший за ним, был доволен.

Он тогда отключился, папа посчитал, что от духоты. С тех пор смерть в исполнении органов чувств Годунова имела вполне ощутимое присутствие в его жизни.

Но не это двигало им по медицинской стезе. Двигала, с одной стороны, память об отце, а с другой – надежда разглядеть что-то большее, чем тогда в ванной.

Если совсем между нами, Годунов верил в потусторонние миры. Или параллельные, это кто как себе объясняет.

Марина

Эта женщина сильно повлияла на Годунова. Нет, она не была его женой или любовницей. Она однажды пришла к нему по рекомендации одного из сокурсников по институту. Тот позвонил и сказал: вот твой прям случай. Ей нужен баланс. Ничто другое не поможет.

У Марины, так она просила себя называть, хотя была старше Годунова на двадцать лет, был букет не вытекающих друг из друга заболеваний. Если лечить одно, лечение ухудшало состояние в другом. Ну это, знаете, как вы приходите к гастроэнтерологу, на жалобы ваши он смотрит, видит колит и говорит: «Ерунда, голубчик, попейте оливкового масла – и все пройдет». – «Доктор, а печень?» Но этот вопрос повисает в воздухе. Вы же жаловались на кишечник.

У нее все было много сложнее. И главное – сосуды. Все, и реагировали на всё. И всегда в худшую сторону. Вот прям ходячее химическое неравенство.

Годунов взялся рьяно за дело. Начал выявлять, подавлять, выравнивать, отсекать. В общем, балансировать. Марина была бодра и весела, но анализы были хуже, чем в начале. Внутренний метаболизм ее не слушался Годунова.

Кошки

Токсоплазмоз. Как же я раньше-то. Примитив. Корил себя Годунов.

Марина держала кошек. Но Годунов узнал это только через несколько месяцев, случайно, в разговоре она упомянула, что уезжает и ей надо завезти кошку подруге. Она принесла ее в переноске к нему на прием.

– Можно? – спросила Марина.

– Я возьму у нее анализы, – вместо ответа сказал Годунов. – Можно?

– Пожалуйста, – сказала Марина.

Вот так они сдвинулись с мертвой точки. Казалось, теперь он все наладит. Курс лечения. Но не тут-то было. Токсоплазмоз коварен, его лечение приводит к массе побочных. Все вернулось обратно. К началу.

– Да вы не расстраивайтесь, – сказала Марина, когда пришла в очередной раз. – Мне уже лучше.

– Ой ли, – сказал Годунов.

– Но ведь не хуже, – засмеялась она.

– Возможно, но мы намерены выздороветь, не так ли?

– Ну, если возможно, – пожала плечами Марина.

– Мы будем стараться, да?

– Конечно, – Марина широко раскрыла глаза. – Вы такой чудесный, с вами начинаешь верить.

– Вот и отлично.

– До свидания, доктор.

Развитие

Дальше – больше. Годунов из кабинета в поликлинике развился в самостоятельную клинику. К нему приезжали из других городов. Слепые случаи удачи с точки зрения пациентов превратили его в альтернативную медицину. Но не из ютуба, а из доказательной медицины.

Ему верили при отсутствии результата. Он, получается, был больше проповедником, чем врачом. Но! Но он умел вязать узлы. Превосходно умел, и это делало его безрезультатность непогрешимой истиной.

Если он не смог, значит, так тому и быть. Самое нелепое при этом было то, что многие выздоравливали. Ну, несмотря на все старания врачей, как говорил Жванецкий.

Статистика позволяет при наличии репутации присваивать положительные исходы и не отождествлять себя с отрицательными.

Прошли годы

Много лет прошло, они сидели со старыми друзьями по институту на дне рождения одного из них. Самого успешного. Он теперь был ректором того самого меда, который они все вместе когда-то кончали. Чинно выпивали и закусывали. Один из них спросил Годунова:

– Ты помнишь Марину?

– Конечно. Ты мне ее когда-то подсунул.

– Ну что за слог – подсунул.

– Извини, так что?

– Я видел ее недавно, жива-здоровая.

– Жива. Хорошая новость. А плохая какая?

– Почему сразу должна быть плохая?

– Потому что ты не стал бы напоминать мне об этом, если бы плохой не было, – сказал Годунов.

– У нее альцгеймер, она никого не помнит, а в остальном полностью здорова, выглядит лучше нас с тобой.

– Вот, значит, как. Значит, тогда я был прав с токсоплазмозом. Нельзя было останавливаться. Надо было настаивать на лечении.

– Ну-ну, не горячись, ты сделал что мог, – сказал приятель. – Все мы не без греха, ну разве что кроме ректора.

Коллега поднял рюмку. Они выпили.

– И потом, – продолжил приятель, – ей хорошо, она спускалась постепенно, в окружении родных, и кто мы такие, чтобы судить, как правильно. Расслабься, старик!

Она опять приходила

Нет, не Марина. Смерть. Его стандартный глюк. Особенно на фоне алкогольной интоксикации.

Он стоял на обрыве, но внизу не было ни реки, ни леса, ничего не было. Космос. Он стоял, смотрел туда и хотел шагнуть.

Ошеломленный, он отступал, а бездна была тут как тут, и он опять стоял на краю. Тогда он развернулся и побежал. Потом остановился, боясь оглянуться. Но и оглядываться было не надо, бездна опять была перед ним.

– Что ты хочешь? – спросил Годунов.

– Тебя, – ответила бездна.

– Зачем?

– Ты отлично вяжешь узлы в темноте. Это тебе очень пригодится. У нас темно, и мне нужны узлы, много, видишь, наша тяга взаимна. Ты – узлы, я – темнота. Согласен?

– Я не знаю, – сказал Годунов.

– Значит, согласен. Ты не бойся, боли не будет.

– А как тогда, как без боли? – спросил Годунов.

– Как Марина, ей же не было больно – ни тогда, ни теперь.

– Ты знаешь про Марину?

– Конечно...

Он очнулся. Он сидел в темноте. На унитазах. У себя дома. В туалете.

Вы скажете: конечно, унитазаы в туалете, где же еще. Э, не спешите, вы еще не знаете, как коварна эта Вселенная, которая ждет за окном.

Вот хоть Годунова спросите, он знает. Он знает, что главное – баланс. Баланс узлов и бездны.

Ну, не сейчас спрашивайте. Дайте ему хотя бы встать с унитаза.